

TEMA HOMEPA

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЕВРОСОЮЗЕ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.699

Представление о социальном протесте у молодёжи российского Дальнего Востока

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31-518

Ссылка для цитирования: *Марин Е. Б.* Представление о социальном протесте у молодёжи российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. С. 62–92. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.699 **For citation:** Marin E. B. The idea of social protest among Russian youth of the Far East. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 62–92. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.699

Марин Егор Борисович^{1,2}

- ¹ Морской государственный университет им. Г. И. Невельского, Владивосток, Россия
- ² Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

egor-marin@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 377935

Аннотация. В публикации представлены материалы семантической реконструкции представлений о различных формах социального протеста у молодёжи двух возрастных групп по материалам эмпирического исследования, проведённого в 2020 г. В ходе исследования были опрошены две социально-демографические группы молодёжи г. Владивостока: студенты высших учебных заведений в возрасте 18-24 года и молодые взрослые в возрасте 25–30 лет. Проведённая семантическая реконструкция позволила реконструировать структурно-содержательные характеристики представлений молодёжи о пяти значимых формах коллективного протеста: петиции, митинге, забастовке, бунте и восстании. Были выявлены смысловые связи форм протеста с экзистенциальными и политическими ценностями молодёжи. Удалось реконструировать и эмоциональный компонент представлений о протестных феноменах. Была определена категориальная структура семантического пространства представлений о формах протеста. К общим категориям, выделенным на основе ассоциаций, относятся «ценности и цели», «субъекты», «эмоции», «характеристики явления», «протест» и «культурные и исторические коннотации». К общим категориям оценивания протеста, по данным семантического дифференциала (СД), относятся «Интеллектуальность и честность», «Лицемерие и корыстность (честность)», «Мир – агрессивность», «Сила». Данные категории, выделенные на материале ассоциаций, в сопоставлении с категориями мышления, полученными с применением факторного анализа данных семантического дифференциала, позволяют реконструировать как рациональный, так и неосознаваемый уровни

представлений о протесте. Сравнительный анализ представлений о разных формах протеста показывает, что митинг наиболее близок молодёжи на эмоциональном уровне. На рациональном уровне положительно оценивается и петиция, при этом молодёжь обеих групп недовольна неэффективностью её реализации. Молодые люди не связывает радикальные формы протеста (бунт и восстание) со значимыми для себя ценностями и целями. На аффективном уровне они воспринимаются в основном негативно. В целом выявленные категории позволяют реконструировать структуру организации субъективного опыта восприятия разных форм политического и социального протеста двух возрастных групп молодёжи. Данные, полученные в настоящем исследовании, могут быть полезны для последующих исследований протестного сознания, использованы государственными органами власти и партиями в практической работе.

Ключевые слова: представление, протест, политическое сознание, психосемантика, митинг, Владивосток, молодёжь

Актуальность

В истории и культуре России разного рода протесты и восстания всегда играли большую роль. Можно вспомнить периодические народные бунты и восстания в Российской империи, революцию 1917 г. изменившую мировую историю. Политические процессы в стране нередко представляли собой маятник, колеблющийся между крайностями, — пассивной лояльностью и бунтом. В последние годы была достигнута относительная стабильность общества и власти, основания которой иногда именуют «общественным договором». Однако протестное начало в российском обществе всё чаще напоминает о себе.

Дальний Восток России не является исключением и также представляет собой довольно интересный регион с точки зрения протестной активности. В последние два-три года здесь наблюдались заметные протесты политического характера. Можно вспомнить волну стихийных протестов во время выборов губернатора во Владивостоке в 2018 г. В последнее время внимание привлёк Хабаровск с его небезынтересными событиями лета 2020 г. Митинги солидарности с Хабаровском проходили во многих других городах региона.

Вопрос, является ли последний по времени всплеск протестов в регионе случайным явлением, или протестный потенциал, особенно у молодых, растёт быстрее, чем ожидали — ждёт своего изучения.

В большинстве социальных и политических протестов последних лет большую роль играет молодёжь. В силу своих социальных и психологических характеристик она всегда выступает пограничным и наиболее активным социальным слоем. И сегодня на арену политики в нашей стране активно выходят новые поколения. В уличных протестах заметны всё более молодые участники. Означает ли это, что новые поколения россиян более склонны к протесту и более позитивно к нему относятся?

Исходя из этого, представляется полезным обратиться к анализу протестного сознания российской молодёжи. В ходе данного исследования мы предприняли изучение структурно-содержательных характеристик протестного сознания молодёжи Дальнего Востока, а также сравнение представлений о протесте у двух возрастных групп: студенческой молодёжи в возрасте 18–24 года и молодых взрослых в возрасте 25–30 лет.

Изученность темы

Исследования представлений о политических явлениях, а также психологических механизмов политических феноменов, проводятся в рамках нескольких направлений.

Одним из наиболее значимых направлений является отечественная политическая психология. Ряд ценных исследований был проведён на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. Ломоносова. Исследователи Е. Б. Шестопал, А. Л. Зверев, С. В. Нестерова, И. С. Палитай разработали свою методологию изучения образов политических феноменов, включая образы политиков и партий [6; 19; 20; 21].

При разработке своего подхода они исходили из представления, что образ политических объектов содержит как рациональный компонент, так и бессознательный. Поэтому для полноценного анализа этих явлений необходимо сочетание социологических и психологических методик. Рациональный уровень изучался методом фокусированного интервью, а бессознательный — ассоциативным экспериментом и проективными методами.

В ходе масштабных исследований массового политического сознания россиян авторы осуществили анализ как рациональных, так и бессознательных аспектов (с помощью проективных методов, ассоциаций и метода неоконченных предложений) образов политиков и власти в России. Обобщив данные исследований, авторы пришли к выводу, что образы действующей власти рассматриваются населением с точки зрения их морально-нравственной привлекательности. Данный подход представляется результативным и опирающимся на серьёзную методологию. Однако в его рамках подробно ещё не изучалась тема восприятия протеста.

Устройство механизмов коллективного протестного поведения рассматривалось в рамках различных социально-психологических направлений. Одной из первых попыток объяснить участие в протестах предпринято в рамках теории относительной депривации Дж. Дэвиса и С. Стауффера [23]. Испытывая групповую депривацию либо мотивированные гневом, члены группы пытаются изменить своё положение, что напрямую стимулирует социальный протест либо отказ от борьбы (из-за депрессии). В настоящий момент существует несколько социально-психологических моделей коллективной протестной активности. Так, модель

коллективной активности, основанной на социальной идентичности, была разработана Мартином ван Зомереном с соавторами [29]. Авторы пришли к выводу, что коллективная активность порождается сочетанием трёх факторов: идентичности с группой, которая оказалась в несправедливом положении, группового гнева (эмоции) и коллективной эффективности (представление о способности группы справиться с проблемами). При этом именно идентичность актуализирует другие факторы.

В некоторых работах были выделены два эмоциональных пути протеста: маршрут гнева, основанный на эффективности, ведущей к нормативному действию, и путь презрения, ведущий к ненормативному поведению, когда законные каналы закрыты [24; 30].

В своей модели Ван Стакельберг объединил обиды, эффективность, индивидуальность и эмоции. Модель отводит центральную, интегрирующую роль процессам идентификации [27; 28].

Изучалось и влияние взаимодействия в сетях на склонность к участию в политике [25; 26]. Социальные сети предоставляют ресурсы и возможность объединения недовольных.

Таким образом, в социально-психологических моделях протестное поведение рассматривается как результат нескольких основных факторов: социальной идентичности, групповых эмоций, коллективной эффективности. Оказавшись под давлением проблем и испытывая групповую депривацию, группа ищет выход из положения. Выбор того или иного пути реализации протеста зависит от конкретной конфигурации этих факторов.

Большой вклад в изучение протестности внесла и отечественная социология. В нашей стране большой вклад в изучение проблемы внес ли Р. Х. Салахутдинова, О. И. Габа, А. В. Петрушина, Ю. А. Акунина [1; 5; 14; 15]. Различные аспекты протестных настроений и поведения молодёжи продуктивно изучают Г. В. Баранова, Ю. А. Красин, Д. Волк ов, М. М. Назаров, Е. Н. Соломатина [2; 4; 7; 8; 18] и др.

Как полагает Г. В. Баранова, социальная активность имеет разные формы (как конструктивные, так и более противоречивые), вплоть до деструктивных форм протестной активности [2, с. 143]. Д. В. Бушуев осмысливает протестное поведение как вид политического участия, для которого характерно публичное выражение индивидом или социальной группой недовольства социально-политической системой через протестные действия [3, с. 15]. О. И. Габа, анализируя причины протестной активности молодёжи, пишет о завышенных притязаниях молодёжи к себе и окружающим, осознании невозможности самореализации в полной мере (субъективный фактор), катализированных внешними социальными и политическими условиями (объективный фактор) [5, с. 148]. Таким образом, в рамках социологического анализа были раскрыты многие социальные причины молодёжного протеста.

Относительно новым подходом к изучению психологических аспектов политических феноменов является психосемантический подход. В 1990-х гг. в нашей стране методы психосемантики стали применяться

для исследования политического менталитета. Так, В. Ф. Петренко и О. В. Митина разработали свой подход к изучению политического менталитета методами психосемантики [13]; ими было реконструировано семантическое пространство политических партий [11], а также имидж государства [12].

При немалых достижениях данного подхода в изучении политического менталитета, он ещё не применялся к анализу протестного сознания. При этом данный подход обладает несомненными возможностями для глубокого анализа представлений о политике, структур политического мышления и аффективных компонентов политического сознания. Поэтому мы предприняли попытку применить для изучения представлений о протесте психосемантические методы.

Методы

В данной статье описывается реконструкция представлений разных групп молодёжи о формах социального и политического протеста, выполненная с применением психосемантического подхода.

Психосемантические методы включают такие способы изучения психических явлений, которые позволяют выявить индивидуальные и групповые системы значений и смыслов и установить связи между ними. При этом смысл шире значения. Значение — это только сам предмет, а смысл (или смыслы) превосходит его. Смысл — это предназначение предмета, польза от него (поэтому лишённый смысла означает бессмысленный). Смысл какого-либо феномена для разных людей может быть разным и зависеть от контекста, прошлого опыта и понимания явления.

Для проведения нашего исследования мы избрали такой гибкий и надёжный метод, как ассоциативный эксперимент, а также методику семантического дифференциала (СД).

Метод ассоциаций относится к одному из первых проективных методов и является наиболее разработанной техникой семантического анализа. Он позволяет изучить представления группы людей об исследуемом объекте, лексикон и лексические связи, осуществить поиск ключевых стимулов и оценочных шкал при создании семантического инструментария и т. д.

Применение метода свободных вербальных ассоциаций даёт возможность выявить систему представлений респондентов, являясь инструментом с большим количеством степеней свободы [16]. Этот метод применим и к рассмотрению эмоциональных аспектов представлений о протесте.

Характеристика содержания и методики применения методов психосемантики представлена в работах В. Ф. Петренко, В. П. Серкина и А. Г. Шмелёва [9; 10; 16; 22].

BECTHNK County of No. 1, Tom 12, 2021

В ходе проведения ассоциативного эксперимента респондентам было предложено дать несколько ассоциаций на каждый стимул. В качестве стимулов выступали следующие формы коллективного социального протеста: петиция, митинг, забастовка, бунт, восстание.

Первичный список форм коллективного протеста составлялся на основе анализа научной литературы. Учитывался также и медиаконтент по социальному и политическому протесту. В случае существования двух форм протеста, очень близких по значению (например, бунт и мятеж), в итоговом списке стимулов мы оставляли одну. Была проведена экспертная оценка форм протеста представителями двух изучаемых возрастных групп молодёжи, рассмотревшими известность и понятность каждой из представленных форм. В списке были оставлены актуальные и знакомые молодёжи формы коллективного протеста. Представленные в данном перечне формы расположены по возрастанию активности и жёсткости протеста. Список включал как конвенциональные, так и неконвенциональные формы протестного политического участия. Были реконструированы представления респондентов о пяти формах коллективного протестного поведения: петиции, митинге, забастовке, бунте и восстании с применением ассоциативного метода.

Для анализа полученных данных составлена собственная классификация ассоциативного материала, при этом ведущую роль играл структурно-функциональный подход. Классификация прежде всего отражала внутреннюю структуру выявленного набора ассоциаций. Категории выстраивались «вслед» за полученным материалом. Кроме того, классификация проводилась с учётом задач исследования.

Представленный респондентами первичный список ассоциаций к каждому стимулу был классифицирован по указанной методике и редуцирован. Одинаковые ассоциации были объединены. Для анализа использованы неслучайные, повторяющиеся у группы реакции (групповые ассоциативные универсалии). При размере группы испытуемых от 5 до 99 человек следует считать неслучайными (значимыми) ассоциациями с частотой v=4 (уровень значимости выбранных описаний p=0,01) [17, с. 24]. В число значимых ассоциаций нами были также включены ассоциации с частотой v=3.

Помимо ассоциативного эксперимента использовалась методика семантического дифференциала (СД), который представляет собой набор шкал для выявления субъективных представлений испытуемых. Нами был составлен пилотажный вариант СД для оценки протеста, включающий 17 шкал. За основу были взяты шкалы хорошо известных СД. Часть шкал, описывающих «силу», «активность» и «оценку» явления, была позаимствована из классического СД Чарльза Осгуда. Вторая группа шкал личностного характера была взята из личностного СД А. Г. Шмелёва [22]. В итоге была составлена компактная методика для оценки форм протеста. В составлении методики принимала участие студентка специальности «психология» ДВФУ Варламова Софья.

Выборка

Опрос проходил в апреле-мае 2020 г. во Владивостоке. Всего в исследовании приняли участие 130 человек двух возрастных групп: студенческая молодёжь 18-24 лет (70 человек, студенты вузов города разных направлений подготовки) и молодёжь 25-30 лет, или молодые взрослые (60 человек, люди различных профессий, с разным уровнем образования).

Опрашивались по 10 человек каждого возраста (18, 19 лет и так далее). Соотношение женщин и мужчин в выборке было равным. Две эти группы были выбраны для опроса в силу того, что среди категорий молодёжи именно они играют наиболее активную роль в жизни региона. Гипотеза исследования состояла в предположении, что представления о протесте у молодёжи разного возраста будут иметь особенности.

Представление молодёжи о петиции

В ходе проведения ассоциативного эксперимента от возрастной группы 18-24 лет было получено 269 ассоциаций на стимул «петиция», а от возрастной группы 25-30 лет -266 ассоциаций. Из полученного материала были выделены ассоциативные универсалии с частотой v=3.

Таблица 1 (Table 1)
Ассоциации респондентов на стимул «петиция», по возрастным группам*
Respondentsr associations to the "petition" stimulus, by age group

Категории ассоциаций	Молодёжь 18–24 года	Молодёжь 25-30 лет
Ценности и цели	Перемены (8), привлечение внимания (5), мнение (4), права (3), защита прав (3)	Перемены (8), улучшение (4), права (5), возможности (4), мнение (3), обращать внимание (3)
Субъекты	Люди (10), власть (3)	Правительство (6), коллектив (6), народ (4), человек (3), бюрократия (3)
Характеристики явления	Подпись (17), требования (8), бумага (6), поддержка (5), просьба (7), сбор (6), мирная (6), массовая (5), обращение (5), прошение (4), договор (4), change.org (4), согласие (3), официальная (3), решение (3), интернет (3)	Сбор (12), подпись (10), прошение (8), требования (6), поддержка (6), бумага (4), информация (4), время (4), обращение (3), отделяться (3), объединение (3), улица (3), высказывание (5)
Негативная символика	Бесполезная (4), неэффективная (4), бессмысленная (3), туалетная бумага (3)	Неэффективная (10), бесполезная (9), отсутствие результата (4)
Эмоции	-	Разочарование (3)
Протест	Протест (3)	-
Исторические и культурные коннотации	-	-

*В скобках здесь и далее указано количество ассоциаций.

В категории «ценности и цели» присутствуют выраженные ассоциации с переменами, правами, привлечением внимания. При этом у молодых взрослых таких ассоциаций больше. Это означает, что представление о данной форме протеста и выражении мнения связано с рядом важных смыслов для обеих групп молодёжи. Петиция связывается в сознании респондентов с надеждой на перемены, с защитой прав, возможностью привлечь внимание к тем или иным проблемам.

В категории «характеристики явления» преобладают характеристики, отражающие назначение петиции и синонимичные понятия: прошение, договор, требование, просьба, обращение. Обилие ассоциаций в данной категории показывает, что эта форма политического участия молодёжи обеих групп очень хорошо известна и понятна.

Ряд ассоциаций связывают петиции с информационными технологиями (ИТ), такими как интернет и сервис онлайн-петиций Change.org. Можно предположить, что формат петиции вполне вписан в современную среду и понятен молодёжи. Данная форма протеста в сознании респондентов не связана с прошлым, с наследием прошлых эпох. Она воспринимается как вполне современная.

Несмотря на то, что эта форма протеста хорошо понятна молодёжи, в сознании обеих групп есть ассоциации «бесполезная», «неэффективная». Причём в сознании молодых взрослых эти ассоциации более выражены, присутствуют групповые ассоциации: «неэффективная» (10), «бесполезная» (9), «отсутствие результата» (4), «разочарование» (3).

Респонденты 25–30 лет испытывают разочарование в связи с неэффективностью такой формы выражения своего мнения. Мы полагаем, это важный факт, свидетельствующий, что данный канал выражения мнения масс и мирного протеста не работает в полной мере, часть респондентов разочарована в нём.

Обращает на себя внимание, что петиция ассоциируется с мирным волеизъявлением молодёжи. В категории «протест» (в отличие от других форм протеста) почти нет ассоциаций с силовым давлением на власть, насилием и революцией. Можно сказать, что в протестном сознании молодёжи петиция стоит несколько особняком, мало ассоциируясь с более активными и более жёсткими формами протестной активности.

Таким образом, молодёжь имеет хорошее представление о данной форме протеста, понимает её значение. В коллективном сознании подписание петиций связано с важными смыслами. Петиция связывается в сознании респондентов с надеждой на перемены, с защитой прав, возможностью привлечь внимание к тем или иным проблемам. При этом присутствует сомнение и недоверие к эффективности такого метода отстаивания своих прав.

Как мы полагаем, потенциал данной формы выражения общественного мнения и протеста по тем или иным причинам не раскрыт в полной мере. Руководству государства стоило бы обратить внимание на её возможности.

BECTHINK Country of No 1. TOM 12, 202.

Представление молодёжи о митинге

При проведении опроса возрастная группа 18-24 года предоставила 325 ассоциаций на стимул «митинг», а группа 25-30 лет -292 ассоциации. Из полученного материала были выделены ассоциативные универсалии с частотой v=3.

Таблица 2 (Table 2)
Ассоциации респондентов на стимул «митинг», по возрастным группам
Respondents associations to the "rally" stimulus, by age group

Категории ассоциаций	Молодёжь 18–24 года	Молодёжь 25–30 лет
Ценности и цели	Свобода (10), права (7), справедливость (5), демократия (4), свобода слова (4), перемены (5), воля (3), Конституция (3), мнение (3)	Свобода (7), самовыражение (6), права (5), мнение (5), демократия (4), справедливость (3), поддержка (3), перемены (3)
Субъекты	Люди (10), народ (7), власть (6), толпа (6), оппозиция (5), массы (4)	Люди (11), народ (9), власть (7), толпа (5), милиция (3), оппозиция (3), человек (3), оратор (3)
Лидеры	Навальный (7)	Путин (4)
Характеристики явления	Политика (8), плакаты (5), требования (5), масштабный (4), громко (3), площадь (3), отстаивать (3)	Лозунг (5), транспарант (4), плакат (4), противостояние (4), политика (4), санкционированный (3), стихийный (3), улица (3), оглашать (3), лидер (3), объединение (3)
Негативная символика	Насилие (3), аресты (3), агрессивный (3), подавление (3), несправедливость (3), бессмысленный (3), коррупция (3)	Коррупция (4), крик (4), ограничение (3), шум (3)
Эмоции	Недовольство (7)	Недовольство (4)
Протест	Протест (15), борьба (6), бунт (5), собрание (4), акция (3)	Протест (11), шествие (5), сбор (4), демонстрация (3), акция (3)
Исторические и культурные коннотации	-	Болотная (3), Майдан (3), повышение пенсионного возраста (3)

В категории «ценности и цели» присутствуют выраженные ассоциации с ключевыми политическими и экзистенциальными ценностями. У обеих групп митинги связываются с понятиями: свобода, права, справедливость, демократия. При этом в юношеской группе более выражены ассоциации со свободой (10), волей (3) и правами (7). Мы полагаем, что митинг как форма публичной активности созвучен обострённому стремлению данного поколения к свободе.

У молодых взрослых дополнительно присутствуют ассоциации «самовыражение» и «мнение». Для этой возрастной группы участие в митингах ощущается как самореализация, возможность быть услышанными.

Ассоциации с понятием «справедливость» свидетельствуют об определённом стремлении бороться за справедливость через данные массовые акции, т. е. митинги (вероятно, как и родственные им демонстрации), рассматриваются как инструмент борьбы за справедливость, защиты своих прав. У обеих групп митинги связываются со стремлением к переменам, надеждой на изменения. Кроме того, данная форма активности рассматривается и как атрибут демократии.

В категории «негативная символика» обе возрастные группы связывают митинги с недовольством, что логично. Кроме того, есть ассоциация с коррупцией и несправедливостью, которые, скорее всего, относятся к причинам митингов.

В семантическом поле стимула «митинг» у юношеской группы присутствует и ассоциация с репрессивными мерами (подавление, аресты). У группы 18–24 года есть ассоциация «бессмысленный», что может означать сомнения в полезности данной формы.

В категории «протест» мы видим, что у обеих групп митинги связываются с протестом, при этом у юношеской группы они на неосознаваемом уровне связываются с борьбой, бунтом. У более старшей молодёжи митинги воспринимаются скорее как мирные, ассоциируясь с шествием, демонстрацией.

Участников митингов обе группы склонны связывать чаще с понятием «народ» и «люди», чем с толпой. Для обеих групп субъектами протестных митингов являются, с одной стороны, народ, люди; с другой, — власть и милиция. Присутствует так же ассоциация «оппозиция», относящаяся к роли оппозиционных сил в организации митингов. Можно предположить, что митинги рассматриваются как выражение общественного мнения, своего рода форма прямой демократии. Ассоциация «власть» может означать как сторону, противостоящую митингующим, так и собственно «власть в стране». В таком случае митинг воспринимается как форма борьбы за эту власть.

В категории «лидеры» оказались фигуры президента В. Путина и оппозиционного организатора митингов А. Навального. Эти фигуры являются оппозиционными друг другу. «Власть» в общественном сознании присутствует как вторая сторона протестных событий. Одним полюсом протестов являются «люди», «народ» (которые иногда бывают и «толпой»), другой стороной является власть.

В категории «характеристики явления» присутствуют атрибуты митингов: плакаты, лозунги, требования, улица, площадь. Атрибуты и условия соответствуют городской среде. При этом группа 25–30 лет различает понятия санкционированных и стихийных митингов, она более грамотна в политико-правовом плане.

В коллективной памяти группы 25-30 лет присутствуют образы протестов на Болотной площади, Майдана и протестов против повышения пенсионного возраста.

Как показал данный анализ, для обеих групп молодёжи протестные митинги есть выражение экзистенциальной потребности в свободе. Митинг как форма политического участия созвучен в психологии моло-

BECTHNK Cognoroffing No 1, Tom 12, 2021 дёжи на сознательном и бессознательном уровне. Митинги воспринимаются в основном позитивно, ассоциируясь с ключевыми политическими и экзистенциальными ценностями. У обеих групп митинги связываются с понятиями свободы, справедливости, демократии, прав человека. Данная форма протеста воспринимается молодёжью как проявление прямой демократии в условиях города.

Представления о забастовке

На стимул «забастовка» от возрастной группы 18-24 лет было получено 284 ассоциации, а от группы 25-30 лет - 285 ассоциаций.

Таблица 3 (Table 3)
Ассоциации респондентов на стимул «забастовка», по возрастным группам
Respondentsi associations to the "strike" stimulus, by age group

Категории ассоциаций	Молодёжь 18-24 года	Молодёжь 25-30 лет
Ценности и цели	Права (4), условия (4), заработная плата (3)	Заработная плата (8), права (4), цель (4)
Субъекты	Рабочие (11), люди (6), руководство (4), власть (3), полиция (3), профсоюз (3), коллектив (3)	Рабочие (16), люди (6), шахтёры (4), профсоюз (3), начальство (3)
Характеристики явления	Требования (12), остановка (7), отказ (6), завод (5), плакат (4), работа (4), отстаивать (4), длительная (3), массовая (3)	Требования (6), работа (6), завод (5), простой (5), молчание (4), добиваться (3), предприятие (4), выступать (3)
Эмоции	Недовольство (8)	Недовольство (7)
Негативная символика	Голод (11), обман (4), крик (4), утомительная (3)	Голод (14), безрезультативная (4), усталость (3), кризис (3)
Протест	Протест (10), бунт (6), борьба (4), сопротивление (3)	Протест (10), борьба (4), пикет (3), бунт (3)
Исторические и культурные коннотации	Европа (5)	Европа (4), всеобщая (4)

В категории «ценности и цели» присутствуют ассоциации с правами и экономическими ценностями («заработная плата»). Категория «ценности и цели» в реконструкции представлений о забастовке менее насыщена, чем в реконструкции представлений о митинге и петиции. Она почти не связывается с политическими и экзистенциальными ценностями, в основном воспринимается как средство борьбы за экономические права.

У обеих групп субъектами забастовки являются, с одной стороны, рабочие и профсоюз, с другой, — представители администрации предприятия и власти. Чаще всего участники забастовки в материалах ассоциаций обозначаются как «рабочие». Это означает, что данная форма протеста в основном связана в сознании молодёжи с промышленностью, что подтверждается ассоциациями «завод», «предприятие».

BECTHNK Kogmonorma No 1, Tom 12, 2021 Забастовка связывается обеими группами молодёжи с требованиями, заводом, отказом от работы. Причиной её выступает «недовольство», а у группы 18–24 года ещё и «обман». Выраженной ассоциацией у обеих групп является также «голод»; скорее всего, это означает связь с такой формой протеста, как голодовка. У обеих групп забастовка ассоциируется с усталостью, у молодых взрослых также с понятием «безрезультатная».

В категории «протест» присутствуют ассоциации с бунтом и борьбой. Данная форма рассматривается как активная и довольно жёсткая форма протеста.

В категории «исторические и культурные коннотации» присутствуют ассоциации с Европой. Такая форма протеста действительно исторически связана с Европой; возможно, забастовка воспринимается как «западная» форма протеста. Понятие «всеобщая забастовка» связано, скорее всего, с исторической памятью о массовом протесте в Российской империи. У группы 25–30 лет забастовки связываются с шахтёрами, что может быть памятью о протестах 1990-х гг.

Забастовка воспринимается молодёжью как активная форма борьбы за свои права. При этом она ассоциируется больше с рабочими, условиями промышленного предприятия, в основном воспринимается как средство борьбы за экономические права, но почти не связывается с политическими и экзистенциальными ценностями. Эта форма протеста хорошо знакома молодёжи обеих групп, имеет связи с исторической памятью.

Представление о бунте

В этом блоке ассоциативного эксперимента на стимул «бунт» мы получили 270 ассоциаций от возрастной группы 18-24 лет, а от возрастной группы 25-30 лет — 267 ассоциаций. Молодёжь обеих групп примерно в равной степени знакома с данным явлением.

При анализе ассоциаций к стимулу «бунт» обращает на себя внимание, что категория «ценности и цели» почти не наполнена. Нельзя исключить, конечно, что для кого-то из респондентов целью является сама борьба. Но если анализировать ассоциативное поле с точки зрения политических, социальных или экзистенциальных ценностей и целей борьбы, то их почти нет. У юношеской группы присутствует только ассоциация «смена власти».

Напротив, категория «негативная символика» наполнена богатым содержанием. У обеих групп бунт имеет групповые ассоциации «кровавый», «преступление», «смерть», «хаос». При этом у группы 18–24 года таких ассоциаций больше, они связаны с разрушением, анархией, страхом. Смысловой анализ показывает обилие негативных ассоциаций, которые связывают бунт с кровью и разрушением. Напротив, связи с созиданием почти нет.

BECTHUR Reminingum No 1, Tom 12, 2021

Таблица 4 (Table 4)
Ассоциации респондентов на стимул «бунт», по возрастным группам
Respondents associations to the "riot" stimulus, by age group

Категории ассоциаций	Молодёжь 18-24 года	Молодёжь 25–30 лет
Ценности и цели	Смена власти (7)	-
Субъекты	Народ (8), люди (6), полиция (3)	Народ (6), толпа (5), власть (5), люди (3), крестьяне (3)
Характеристики явления	Требования (6), несогласие (5), подавление (4), быстрый (3), оружие (3)	Несогласие (5), нехватка (4), сильный (3), стихийный (3)
Негативная символика	Кровавый (11), агрессивный (6), преступление (6), смерть (5), хаос (4), анархия (3), разрушение (3)	Кровавый (7), преступление (6), смерть (5), хаос (4), пожар (3)
Эмоции	Недовольство (8), ярость (7), страшный (3)	злость (4)
Протест	Восстание (9), борьба (6), мятеж (6), протест (4), противостояние (4), революция (3)	Восстание (6), революция (4), борьба (3)
Исторические и культурные коннотации	«Бессмысленный и беспощадный» (6), соляной (5), мем «бунд» (3), корабль (3)	«Бессмысленный и беспощадный» (3), соляной (3), Пугачёв (3), поднять на вилы (3), корабль (4), отечество (3)

Среди эмоций, связанных с данной формой протеста, обе группы указали ярость (злость); а группа 18-24 года — недовольство и такую ассоциативную универсалию, как «страшный». С этой формой протеста положительные эмоции не ассоциируются.

В категории «протест» у обеих групп присутствуют ассоциации с восстанием, борьбой и революцией. У группы 18–24 лет подобных ассоциаций больше, например, есть связь «бунта» с такой формой восстания, как «мятеж». Обилие ассоциаций с вооружёнными формами протеста в данной категории подтверждает, что в сознании респондентов она воспринимается в качестве одной из самых жёстких и насильственных.

В категории «исторические и культурные коннотации» присутствуют разнообразные ассоциации с событиями прошлого и литературными образами. Респонденты приводили крылатую фразу о русском бунте из произведения А. С. Пушкина: «Бессмысленный и беспощадный». В коллективной памяти присутствует также Соляной бунт, а у группы 25–30 лет — Пугачёв.

Смысловой анализ показал, что бунт ассоциируется с кровью и разрушением, связывается в представлении респондентов с наиболее насильственными формами протеста, имеет много негативных ассоциаций. Напротив, связи с какими-либо созидательными ценностями и целями почти нет. Молодёжь обеих групп не воспринимает его как осмысленную форму протеста. На бессознательном уровне бунт связан с агрессией, недовольством и смертью.

BECTHINK Counting No. 1. Tow 12, 202.

Можно сказать, что эта форма протеста становится актуальной при наличии у молодёжи большого заряда негативных эмоций, позволяет выплёскивать их в борьбе и разрушении.

Представление молодёжи о восстании

Группа молодёжи в возрасте 18-24 года дала 301 ассоциацию на стимул «восстание». Возрастная группа 25-30 лет предоставила 289 ассоциаций.

Таблица 5 (Table 5)
Ассоциации респондентов на стимул «восстание», по возрастным группам
Respondents associations to the "rebellion" stimulus, by age group

Категории ассоциаций	Молодёжь 18-24 года	Молодёжь 25-30 лет
Ценности и цели	Смена власти (8), справедливость (6), перемены (6), возможности (3)	Свобода (6), смена власти (5)
Субъекты	Власть (14), народ (8), люди (8), массы (6), полиция (3)	Народ (9), власть (8), люди (5), военные (5)
Характеристики явления	Против (5), оружие (4), огонь (3), поднимать (3), стихийное (3), подавленное (3), стрельба (3), вооружённое (3)	Стрельба (3), политика (3), сильное (4), крайняя мера (4), оружие (4), баррикады (3)
Негативная символика	Агрессивное (6), смерть (5), хаос (4), жертвы (3), кровавое (3), анархизм (3), боль (3)	Смерть (9), преступления (6), кровавое (5), боль (3), ссылка (3)
Эмоции	Недовольство (7), гнев (3), злость (3), страх (3)	Ужас (3), страх (3)
Протест	Революция (14), переворот (6), борьба (6), война (4), бунт (3)	Борьба (9), переворот (8), революция (6), война (6), мятеж (4), бунт (4), гражданская война (3)
Исторические и культурные коннотации	Декабристы (5), история (4)	Ленин (5), царь (4), декабристы (3), красные (3), история (4), СССР (3)

Смысловой анализ ассоциативного материала к стимулу «Восстание» показывает, что у группы 18–24 года образ восстания связан с такими ценностями, как справедливость, перемены и возможности. У группы 25–30 лет — со свободой и сменой власти. Объём таких ассоциаций намного меньше, чем для стимулов «митинг» и «петиция». На сознательном уровне восстание редко рассматривается как форма достижения социальных и политических целей.

Субъектами действия являются, с одной стороны, народ, люди; с другой, — полиция, военные и власть. Восстание (как и митинг) воспринимается респондентами как форма «народного» протеста. При этом ассоциация «власть» может относиться как к борьбе за власть, так и к противостоянию народа и власти. У обеих групп восстание ассоци-

ируется со стрельбой и оружием, то есть милитаристской атрибутикой. В категории «негативная символика» присутствуют многочисленные ассоциации со смертью и болью.

В категории «эмоции» у обеих групп данный стимул вызывает страх. При этом, если группа 18–24 года связывает с ним также гнев и недовольство, то молодые взрослые только страх и ужас. У обеих групп представления о восстании связаны с такими родственными понятиями, как революция, переворот, борьба, бунт, война.

У группы 25–30 лет стимул «восстание» связывается с широким кругом исторических и культурных значений, таких как Ленин, царь, декабристы, красные. У группы 18–24 года таких ассоциаций заметно меньше. Молодые взрослые являются носителями коллективной исторической памяти советского и дореволюционного периода. В сознании юношеской группы эти значения представлены намного слабее. Вероятно, происходит утрата исторической памяти о многих событиях российской истории.

Таким образом, восстание как форма протеста хорошо известно обеим группам молодёжи. Данная форма протеста в сознании респондентов имеет меньшую, чем митинг, связь с созидательными ценностями, в их представлении оно связано с понятиями свободы, справедливости, перемен. На неосознаваемом уровне восстание воспринимается как борьба, порождённая гневом и недовольством. Смысловой анализ показал, что на бессознательном уровне образ восстания имеет чёткие связи с такими явлениями, как смерть, страх, кровь.

Факторный анализ оценок стимула «митинг»

В данном разделе мы представим результаты реконструкции представлений о формах протеста с помощью СД для оценки протеста. Данный метод позволяет дополнить данные ассоциативного эксперимента.

Материал ассоциаций отражает как неосознаваемые, так и рациональные компоненты представлений, а данные СД соответствуют сознательной оценке данных явлений респондентами. Будучи редуцированной с помощью процедур факторного анализа, система оценок форм протеста позволяет выявить структуры мышления респондентов. Нашей задачей было понять, какие основные категории оценивания применяются молодёжью для оценки основных форм протеста.

Ниже будет приведена реконструкция факторной структуры оценивания респондентами стимула «митинг» как наиболее актуальной для молодёжи формы протеста, а также стимула «восстание» как наиболее радикальной. Проанализирована также структура оценивания стимула «забастовка».

Ниже приводится описание факторной структуры стимула «митинг», реконструированного на представителях двух групп молодёжи Владивостока (18–24 и 25–30 лет). Факторный анализ данных СД, полученный после 8-ми итераций, позволил реконструировать факторную структуру и выделить три общих фактора (см. таблицу 6).

Наиболее важный универсальный фактор оценивания был обозначен нами как фактор «Интеллектуальность и честность» — «Интеллектуальность и мир (страх)».

Данный фактор присутствует с определённой спецификой у обеих групп. У группы 18–24 лет он реконструирован как фактор «Интеллектуальность и честность». У группы молодёжи 25–30 лет он представлен как фактор «Интеллектуальность и мир (страх)».

Таблица 6 (Table 6) Общие факторы оценивания стимула «митинг», по возрастным группам General factors in evaluating the "rally" stimulus, by age group

General factors in continuing the rang stimulus, by age group				
Молодёжь 18–24 года		Молодёжь 25-30 лет		
Шкала СД	Факторный вес	Шкала СД	Факторный вес	
Фактор «Интеллектуальность и честность» (18,5% дисперсии)		Фактор «Интеллектуальность и мир (страх)» (16,2% дисперсии)		
Честный	0,871	Мирный	0,805	
Привлекательный	0,757	Открытый	0,737	
Хороший	0,720	Интеллектуальный	0,645	
Интеллектуальный	0,718	Страшный	-0,642	
Мягкий	0,511	Хороший	0,478	
Сильный	0,445	Привлекательный	0,439	
Фактор «Сила»	(12,4% дисперсии)	Фактор «Сила» (13,3% дисперсии)		
Большой	0,766	Быстрый	0,848	
Активный	0,765	Активный	0,731	
Сильный	0,546	Сильный	0,559	
Открытый	0,431	Страшный	0,479	
<u> </u>	Фактор «Лицемерие и корыстность» (11,2% дисперсии)		Фактор «Лицемерие и корыстность (честность)» (22,7% дисперсии)	
Корыстный	0,763	Корыстный	0,848	
Чужой	0,674	Лицемерный	0,798	
Лицемерный	0,631	Агрессивный	0,783	
		Злой	0,763	
		Хороший	-0,633	
		Привлекательный	-0,619	
		Честный	-0,467	

При оценивании формы протеста «митинг» для юношеской возрастной группы наиболее важны его характеристики «честность» и «интеллектуальность», которые коррелируют в составе фактора с оценками «привлекательный» и «хороший». Соответственно, привлекательность митинга для респондентов этого возраста связана с его честностью и интеллектуальностью. Очень интересно, что в составе фактора сочетаются оценки «сильный» и «мягкий».

Для возрастной группы 25-30 лет важно, мирный ли митинг, интеллектуален ли он. Мирный, открытый и «умный» митинг воспринимается как «привлекательный» и «хороший». На другом полюсе данной оси оценивания категория «страшный». Страх может быть вызван качествами, обратными миру и интеллектуальности, — агрессивностью и глупостью, т. е. митинг может быть привлекательным в глазах респондентов этой группы, если он мирный, открытый и интеллектуальный. Данный фактор был интерпретирован как фактор «Интеллектуальность и мир (страх)».

Ещё один неслучайный фактор — фактор «Сила», присутствующий с определённой спецификой у обеих групп и соединяющий классические характеристики, выявленные Чарльзом Осгудом, — силу и активность. Также он включает характеристику «большой». Для молодых людей 18—24 года значима сила митинга и его величина. Для молодых взрослых также важны категории силы и активности, но к ним добавляется «быстрота».

Обращает на себя внимание, что для респондентов 25-30 лет сильный и активный митинг коррелирует с характеристикой «страшный», что можно трактовать как опасение перед мощной силой недовольства.

Следующий общий для двух групп фактор «Лицемерие и корыстность (честность)». Для младшей группы он реконструирован как фактор «Лицемерие и корыстность», а для старшей — как фактор «Лицемерие и корыстность (честность)». У обеих групп в составе фактора присутствуют характеристики «корыстность» и «лицемерие». Можно предположить, что в сознании молодёжи эти качества тесно связаны. Для представителей юношеской группы корыстный митинг протеста воспринимается и как «чужой».

Для старшей группы к негативным характеристикам митингов добавляются агрессивный и злой (есть общее с фактором «Мир — зло и лицемерие» у юношеской группы). Вместе эти отрицательные характеристики образуют негативный полюс фактора, к положительному его полюсу относятся качества: честный, хороший, привлекательный. Если митинг оценивается как честный, он воспринимается как более привлекательный и «хороший». И наоборот, корыстный и лицемерный протест становится непривлекательным в глазах данной группы.

Привлекает внимание и связь между характеристиками «корыстность» и «лицемерие». Нечестность, лукавство респонденты связывают с деньгами. Соответственно, их беспокоит, не являются ли протестные акции, проводимые под благими лозунгами, формой политического бизнеса. Они не хотят быть жертвами обмана политиков. Можно обобщить, что обе группы ценят честность и бескорыстие в протестных митингах. Для старшей группы это делает акцию привлекательной и хорошей.

Помимо общих для двух групп факторов, выявлены также несовпадающие, специфические для каждой из групп. У группы 18-24 года фактор «Мир — зло и лицемерие» отражает противоположность понятий мирный, с одной стороны, и лицемерный, злой, — с другой. Как можно

BECTHINK Community BECTHINK Community BECTHINK STATES No. 1, Tow 12, 2021

предположить, если митинг воспринимается как лицемерный и злой, он оценивается как воинственный. Напротив, честный митинг воспринимается как мирный (по характеру). Это имеет свои параллели в факторе «Интеллектуальность и мир — жестокость» у молодых взрослых.

Таблица 7 (Table 7) Несовпадающие факторы оценивания стимула «митинг», по возрастным группам Inconsistent factors in evaluating the "rally" stimulus, by age group

Молодёжь 18–24 года		Молодёжь 25-30 лет	
Шкала СД	Факторный вес	Шкала СД	Факторный вес
Фактор «Мир – зло и лицемерие» (11,7% дисперсии)		Фактор «Чуждость – интеллектуальность» (9,6% дисперсии)	
Мирный	-0,755	Чужой	0,928
Злой	0,715	Интеллектуальный	-0,552
Лицемерный	0,534		
Страшный	0,539		
Фактор «Быстрота» (9,9% дисперсии)		Фактор «Честная сила» (9,2 % дисперсии)	
Быстрый	0,885	Честный	0,747
Открытый	0,597	Большой	0,654
		Сильный	0,529
Фактор «Агрессивность – мягкость» (9,9% дисперсии)			
Агрессивный	0,838		
Страшный	0,580		
Мягкий	-0,535		

Наличие фактора «Агрессивность — мягкость» свидетельствует о значимости для группы 18-24 лет таких качеств митинга, как агрессивность (что вызывает опасение и коррелирует с характеристикой «страшный») и мягкость.

У группы 25–30 лет фактор «Честная сила» отражает любопытную взаимосвязь качеств честности и силы. Честный и большой митинг может восприниматься как более сильный, вероятно, в моральном плане. Сочетание моральных качеств митинга (честность) и величины (большой) взаимосвязано для этой группы с категорией «сила».

Таким образом, мы выявили важнейшие оси оценивания митинга как формы протеста. При этом для обеих возрастных групп наиболее важны характеристики «честность» и «интеллектуальность», которые коррелируют с оценками «привлекательный» и «хороший». Для возрастной группы 25-30 лет также важно, мирный ли и открытый митинг. Особая важность категории мира для этой группы подтверждается наличием оси оценивания по фактору «Мир — зло и лицемерие». Для молодёжи обеих групп важно, есть ли у митингов отрицательные

Молодёжь 18-24 года

черты — корыстность и лицемерие. Для юношеской группы эти качества делают митинг «чужим», а для группы 25-30 лет — непривлекательным и злым, агрессивным.

Характеристика «сила» является по большей части нейтральной, но у группы 25-30 лет сила может быть пугающей, возможно, из-за последствий. Если представить образ «идеального митинга», то для обеих групп это интеллектуальный, честный и мирный процесс. На другом полюсе — корыстный лицемерный и агрессивный.

Факторный анализ оценок стимула «забастовка»

Факторный анализ данных СД, полученных после оценивания двумя возрастными группами молодёжи г. Владивостока стимула «забастовка», позволил реконструировать факторную структуру. Были выявлены два общих фактора и несколько несовпадающих (см. таблицы 8–9).

Таблица 8 (Table 8) Общие факторы оценивания стимула «забастовка», по возрастным группам General factors in evaluating the "strike" stimulus, by age group

Молодёжь 25-30 лет

Шкала СД	Факторный вес	Шкала СД	Факторный вес	
Фактор «Интеллектуальность и честность» (24,1% дисперсии)		Фактор «Интеллектуальность и честность» (17,8% дисперсии)		
Хороший	0,858	Открытый	0,841	
Привлекательный	0,786	Интеллектуальный	0,806	
Интеллектуальный	0,764	Честный	0,666	
Мягкий	0,719	Сильный	0,605	
Сильный	0,635	Хороший	0,531	
Честный	0,628	Активный	0,525	
Мирный	0,547	Привлекательный	0,469	
Открытый	0,466			
Большой	0,405			
	Фактор «Лицемерие и агрессивность – мир» (22,2% дисперсии)		Фактор «Лицемерие и корыстность – честность» (15,6% дисперсии)	
Злой	0,850	Чужой	0,841	
Лицемерный	0,850	Лицемерный	0,834	
Страшный	0,795	Корыстный	0,794	
Агрессивный	0,741	Честный	-0,442	
Чужой	0,601			
Сильный	0,483			
Мирный	-0,427			
Корыстный	0,405			

Первый общий для двух групп фактор оценивания «Интеллектуальность и честность». При этом в его составе у каждой возрастной группы есть свои особенности. У группы 18–24 года в составе фактора больше дескрипторов, чем у группы 25–30 лет.

При оценивании забастовки как формы протеста для обеих возрастных групп наиболее важны такие характеристики, как честность, интеллектуальность, сила, открытость. Данные шкалы взаимосвязаны с характеристиками «привлекательный» и «хороший». При этом у группы 18–24 лет в составе данного фактора присутствуют также дескрипторы «мирный» и «мягкий». Сочетание всех этих шкал может отражать стремление к мирной силе.

Следующий общий фактор — «Лицемерие и корыстность». У юношеской группы он интерпретирован как фактор «Лицемерие и агрессивность — мир», а у группы 25—30 лет как фактор «Лицемерие и корыстность — честность».

Как свидетельствует реконструкция, у обеих групп в составе фактора повторяются характеристики «корыстность» и «лицемерие». Для представителей обеих групп корыстная и лицемерная забастовка будет восприниматься «чужой». Для группы 18–24 года корыстность и лицемерие коррелируют с агрессивностью и злостью. Таким образом, для юношеской группы данная ось оценивания более насыщена негативными характеристиками. Противоположным полюсом данного фактора для группы 25–30 лет будет значение «честный», для группы 18–24 лет – «мирный».

Таблица 9 (Table 9)

Несовпадающие факторы оценивания стимула «забастовка»,

по возрастным группам

Inconsistent factors in evaluating the "strike" stimulus, by age group

Молодёжь 18-24 года		Молодёжь 25-30 лет	
Шкала СД	Факторный вес	Шкала СД	Факторный вес
Фактор «Открытость» (12,6% дисперсии)			агрессивность» исперсии)
Активный	0,896	Злой	0,822
Открытый	0,667	Мирный	-0,772
Честный	0,447	Страшный	0,710
		Фактор «Сила» (12,9% дисперсии)
		Большой	0,821
		Быстрый	0,779
		Активный	0,552
		Агрессивный	0,552
		Страшный	0,500
		Сильный	0,452

BECTHINK Editionaries

No 1, Tom 12, 2021

Для группы 18-24 года в реконструкции присутствует фактор «Открытость» (12,6% дисперсии). Он объединяет характеристики забастовки «активность», «открытость» и «честность».

Для группы 25–30 лет в реконструкции присутствует также фактор «Мир — агрессивность» (14,3% дисперсии). В его составе имеются такие шкалы, как «страшный» и «злой». Противоположным полюсом данного фактора является шкала «мирный». Данные три шкалы у юношеской группы включены в фактор «Лицемерие и агрессивность — мир». Для группы же 25–30 лет эти три шкалы образовали отдельный фактор, т. е. так или иначе эта группа дескрипторов используется для оценивания данного стимула обеими группами.

Для группы 25–30 лет был выделен также фактор «Сила» (12,9% дисперсии), включающий помимо нейтральных шкал «большой», «быстрый», «активный» ряд дескрипторов с негативным значением («страшный», «агрессивный», «сильный»). Это можно интерпретировать как опасение перед силой, неконтролируемой активностью протеста.

Таким образом, мы выявили общие оси оценивания формы протеста «забастовка». При её оценивании для обеих возрастных групп наиболее важны положительные характеристики — честность и интеллектуальность. Привлекательная форма забастовки для обеих групп — интеллектуальная, честная, при этом сильная и открытая. Напротив, корыстность и лицемерие при проведении такой акции сделает её непривлекательной, «чужой» для обеих групп.

Факторный анализ оценок стимула «восстание»

Далее приводится описание факторной структуры стимула «восстание», реконструированного на представителях молодёжи Владивостока двух возрастных групп: 18-24 и 25-30 лет.

При сопоставлении факторных структур оценивания стимула «восстание» двумя группами молодёжи были выделены 4 общих фактора. Первый из общих факторов был обозначен как фактор «Интеллектуальность и честность». Данный фактор уже был реконструирован при оценивании стимула «митинг».

При оценивании формы протеста «восстание» для обеих возрастных групп наиболее важны характеристики «честность» и «интеллектуальность». У группы 18–24 года эти шкалы коррелируют в составе фактора с характеристикой «хороший». У группы 25–30 лет – с дескриптором «мирный».

В составе фактора «Мир — агрессивность» взаимно коррелируют шкалы «страшный», «злой», «агрессивный». Обратно коррелирует с ними характеристика «мирный». Соответственно, чем агрессивнее является феномен «восстание», тем более «страшным» он воспринимается респондентами обеих групп. У юношеской группы в составе данного фактора добавляется характеристика «чужой».

Таблица 10 (Table 10)

Факторная структура оценивания респондентами стимула «восстание», по возрастным группам

Factor structure of respondents' evaluation of the "rebellion" stimulus, by age group

Молодёжь 18–24 года		Молодёжь 25-30 лет	
Шкала СД	Факторный вес	Шкала СД	Факторный вес
Фактор «Интеллектуальность и честность» (17% дисперсии)		Фактор «Мир – агрессивность» (19,1% дисперсии)	
Интеллектуальный	0,815		
Хороший	0,808		
Честный	0,792		
Мягкий	0,499		
Фактор «Мир – агрессивность» (17% дисперсии)			рие и корыстность – 3,3% дисперсии)
Мирный	-0,736	Корыстный	0,839
Страшный	0,728	Чужой	0,825
Злой	0,705	Лицемерный	0,699
Агрессивный	0,629	Честный	-0,563
Чужой	0,517		
Фактор «Сила и агрессивность» (14,3% дисперсии)		Фактор «Сила» (12,9% дисперсии)	
Активный	0,793	Быстрый	0,797
Сильный	0,762	Активный	0,718
Большой	0,651	Большой	0,690
Агрессивный	0,441	Сильный	0,432
Злой	0,426		
	рие и корыстность» исперсии)	Фактор «Интеллектуальность и честность» (8,9% дисперсии)	
Лицемерный	0,850	Интеллектуальный	0,787
Корыстный	0,784	Мирный	0,538
Привлекательный	0,595	Честный	0,487
Чужой	0,514		
-	Эткрытость» исперсии)		
Открытый	0,872		
Мягкий	0,401		

Третий общий фактор был обозначен как фактор «Лицемерие и корыстность». Две эти характеристики в сознании респондентов, как можно увидеть, устойчиво взаимосвязаны. Можно сказать, это некие теневые свойства политики, где ложь связана с деньгами. Наши респон-

денты, надо полагать, оценивают такую связку отрицательно. У группы 25-30 лет лицемерие и корыстность обратно коррелируют с характеристикой «честный», что вполне зеркально.

Также общим является фактор «силы», который имеет свои особенности у каждой из групп. Общими являются характеристики: сила, активность, величина. У юношеской группы в фактор также входят шкалы «агрессивный» и «злой». В целом этот фактор отражает категории оценивания процесса восстания: сила и активность.

Таким образом, мы выявили важнейшие оси оценивания трёх форм протеста. Сопоставление факторных структур позволило выявить наличие общих категорий оценивания. К ним можно отнести четыре фактора, которые встречаются практически во всех реконструкциях: «Интеллектуальность и честность», «Лицемерие и корыстность», «Мир – агрессивность», «Сила».

Наиболее объёмный по выбираемой дисперсии — фактор «Интеллектуальность и честность». Он встречается во всех реконструкциях без исключения, соответственно его структура отражает важную «ось» оценивания протеста молодёжью обеих групп.

При оценивании протеста для обеих возрастных групп наиболее важны характеристики «честность» и «интеллектуальность». Связь этих двух характеристик, вероятно, неслучайна. На глубинном уровне мышления понятия «интеллектуальный» и «честный» оказались тесно связаны. Вероятно, это оказывает влияние и на повседневном уровне. Как можно предположить, оцениваемый как интеллектуальный, протест вызывает больше доверия у молодых людей. Возможна и обратная связь.

Характеристики «интеллектуальный» и «честный» часто коррелируют с характеристиками «привлекательный» и «хороший». Для возрастной группы 25–30 лет они кроме того взаимосвязаны с понятием «мирный», что делает умный и честный протест привлекательным для молодых взрослых. Шкала «привлекательный» является маркером положительного отношения.

Следующая ключевая ось оценивания акций протеста отражена в факторе «Лицемерие и корыстность». Его присутствие во всех реконструкциях означает высокую значимость этих категорий. Для молодёжи обеих групп важно, есть ли у митингов такие отрицательные черты, как корыстность и лицемерие. Для группы 18–24 года эти качества делают протест «чужим». Характеристика «чужой» является маркером непривлекательности для обеих групп.

Характеристики «лицемерие» и «корыстность» в сознании респондентов, как можно увидеть, устойчиво взаимосвязаны. Как можно предположить, при такой устойчивой связи этих двух категорий они будут влиять друг на друга. Протестную акцию, оцениваемую как лицемерную, молодые люди, вероятно, будут склонны воспринимать как корыстную по своей сути, и наоборот. Кроме того, нередко корыстность и лицемерие в представлении респондентов связаны также с агрессивностью.

Ещё один весьма важный фактор «Мир — агрессивность». Для молодёжи обеих групп важен характер протеста. Особая важность категории мира подтверждается наличием в некоторых реконструкциях такой оси оценивания, как фактор «Мир — зло и лицемерие».

«Агрессивный» протест воспринимается также как «страшный» и «чужой». Это означает, что агрессивность пугает, ассоциируется с возрастающим страхом на противоположном полюсе данного фактора – «мир» воспринимается как альтернатива агрессии и страху.

Входящие в фактор «Сила» категории «сильный», «быстрый» и «активный» отражают динамику и масштабы протестного процесса. Характеристика «сила» является по большей части нейтральной, но у группы 25–30 лет «сила» иногда переплетается с категорией «агрессивность», т. е. сила и активность могут быть пугающими, возможно, из-за неконтролируемого характера, а также из-за последствий.

Если представить образ «идеального протеста», то для обеих групп это интеллектуальный, честный, мирный процесс. На другом полюсе — протест корыстный лицемерный и агрессивный.

Выводы

Анализ данных СД позволил выявить важнейшие оси оценивания разных форм протеста. Были определены общие категории. К ним можно отнести четыре фактора, которые встречаются практически во всех реконструкциях. В составе этих факторов есть несколько ключевых характеристик, которые используются молодыми людьми обеих групп для оценивания и осмысления протестных феноменов.

Прежде всего для молодёжи важно наличие в протестном движении таких качеств, как интеллектуальность и честность. Их присутствие вызывает доверие, делает протест привлекательным. Напротив, корыстность и лицемерие непривлекательны для молодёжи обеих возрастных групп. Их присутствие нежелательно и делает протест «чужим».

Категории «агрессивность» и «злость» также непривлекательны для молодёжи. В её сознании данные категории связаны со страхом и непривлекательностью. Обратной категорией в данной оси оценивания является «мир». Для молодёжи обеих групп важно, насколько протест мирный и открытый. Образ «идеального» протеста для обеих групп — интеллектуальный, честный, мирный процесс в противовес корыстному, лицемерному и агрессивному.

Кроме того, используя ассоциативный материал, нам удалось реконструировать содержание представлений молодёжи о пяти формах протестного поведения.

Если сравнивать представление о формах протеста по насыщенности ценностями, то заметно более богатое содержание категории «ценности и цели» для стимулов «митинг» и «петиция». *Митинги* воспринимаются в основном позитивно, ассоциируясь с ключевыми политическими и экзистенциальными ценностями. У обеих групп митинги связываются

с такими понятиями, как свобода, права, справедливость, демократия. Эта форма протеста воспринимается молодёжью как проявление прямой демократии, активное отстаивание прав и справедливости в условиях города. Если учитывать категории оценивания протеста, то наиболее привлекательным для широких слоёв молодёжи будет митинг в мирной форме. Кроме того, он более привлекателен при наличии некого интеллектуального уровня, веры в честность намерений его организаторов и участников. И наоборот, сомнения в честности и низкий интеллектуальный уровень сделают такое мероприятие непривлекательным для очень многих молодых.

Петиция связывается в сознании респондентов с надеждой на перемены, с защитой прав, возможностью привлечь внимание к тем или иным проблемам. Эта форма протеста и участия представляется вполне современной, соответствующей цифровому сознанию молодёжи. При этом её потенциал не использован в полной мере. Если сопоставлять данные ассоциаций и СД, то по выявленным нами осям оценивания протеста, петиция должна оцениваться положительно. Она соответствует категории мирного протеста, не несёт агрессивности. Петиция как форма участия вполне может соответствовать и категориям интеллектуальности, честности. Можно рекомендовать органам государственной власти обратить внимание на возможности, предоставляемые такой формой политической активности. Петиция вполне может быть эффективной формой выражения мнений молодёжи, в том числе и протеста, и в то же время каналом коммуникации между властью и обществом.

Такие формы, как онлайн-петиции и различные голосования, могут удовлетворить ряд потребностей молодого поколения в выражении мнений, эмоций, участии в общественных делах, общении. Вместе с тем это легальная форма участия, не несущая деструктивного потенциала.

Такая форма протеста, как забастовка, в сознании молодёжи почти не связывается с политическими и экзистенциальными ценностями, в основном воспринимается как средство борьбы за экономические права. Забастовка как форма политической и социальной активности хорошо знакома молодёжи обеих групп, имеет связи с исторической памятью.

Сравнение полученного материала позволяет сделать вывод, что стимулы «восстание» и «бунт» имеют схожее семантическое поле. Смысловой анализ показал, что бунт и восстание ассоциируются с кровью и разрушением, связаны в представлении респондентов с наиболее насильственными формами протеста, имеют много негативных ассоциаций. У бунта связи с какими-либо созидательными ценностями и целями в коллективном сознании почти нет. Эта форма воспринимается негативно как на эмоциональном, неосознаваемом, так и на рациональном уровне. Это подтверждают данные реконструкции категорий оценивания протеста. Сопоставляя ассоциативные универсалии и шкалы СД, можно определить направленность оценки форм протеста по некоторым факторам. Учитывая выраженность представлений о бунте как о бессмысленном явле-

нии, по фактору «Интеллектуальность и честность» он будет оцениваться отрицательно. Молодёжь ищет смысл в протесте, для них важен его интеллектуальный уровень. По фактору «Мир — агрессивность» эти две формы протеста будут оценены как агрессивные, а значит страшные, чужие.

Можно сказать, что молодёжь обеих групп не стремится к крайним формам протеста, бунту и восстанию, и не считает их оптимальными. Однако восстание при многочисленных негативных ассоциациях в коллективном сознании молодых людей всё же имеет связь с такими значимыми ценностями, как свобода, справедливость, перемены. Как мы полагаем, в обычной ситуации категориальная система мышления молодёжи будет дисквалифицировать его как форму политического и социального участия. Ситуация может измениться в экстремальной социальной ситуации.

На бессознательном уровне образы бунта и восстания связаны с агрессией, недовольством и смертью. Среди эмоций с ними связаны гнев, ярость и страх. Можно сказать, что эти две крайние формы протеста могут становиться актуальными при наличии у молодёжи большого заряда негативных эмоций, отсутствии возможности выразить их через более мирные формы протеста. При длительной групповой депривации и отсутствии или незнании мирных и законных путей реализации недовольства может быть реализован насильственный протест. При этом бунт становится стихийным выплеском агрессии, лишённым цели, а восстание, также представляя проявление негативных эмоций, может быть осмысленным и организованным процессом.

Вероятно, самой близкой по духу для молодёжи формой протеста оказался митинг. У обеих групп митинги связываются с ключевыми экзистенциальными и политическими ценностями. В том числе, в сознании обеих групп молодёжи митинги связаны с такими концептами, как «демократия» и «справедливость». Данная форма протеста воспринимается молодёжью как проявление прямой демократии.

Митинги могут быть привлекательными для молодых людей как на эмоциональном, так и на рациональном уровне. Если митинг и его организаторы будут оцениваться позитивно по категориям оценивания протеста, будут восприниматься как честные и интеллектуальные, они могут обрести поддержку молодёжи. Это, в общем, подтверждается наблюдаемыми событиями.

Как показало данное исследование, представление о митингах не связано с образами восстания, революции. Если у юной группы респондентов митинг ассоциируется с борьбой, то у взрослых молодых людей — с мирными формами выражения мнения: демонстрациями, шествиями.

Как представляется, участие молодёжи в митингах, в том числе несанкционированных, на данном этапе не несёт большой угрозы для государства. Можно было бы рекомендовать рассматривать их как своего рода естественную для молодёжи форму выражения мнений и накопившихся эмоций. Следует учитывать и то, что такая форма публичной активности созвучна обостренному стремлению молодых поколений

к свободе и активности. Напротив, жёсткое подавление и запрет этой формы протеста может способствовать накоплению напряжённости и усиления интереса к более радикальным формам протеста.

Сопоставление материалов, полученных с помощью двух применённых методов, позволяет оценить как рациональные, так и более глубинные, основанные на эмоциях и образах представления о протесте и его осмыслении. При этом рациональный и неосознаваемый уровни реагирования могут и не совпадать. В обычной ситуации человек и группа пытаются решать свои задачи в социальных рамках, руководствуясь здравым смыслом и разумом. Однако возникающая иногда длительная невозможность решения проблем порождает депривацию. Чем более критической становится ситуация и чем меньше возможностей для решения проблем рациональным путём остаётся у человека, тем более вероятно включение более глубинных, основанных на эмоциях механизмов реагирования.

Проведённое исследование выявило небезынтересные закономерности протестного сознания. Полученные материалы могут быть полезны органам государственной власти, политическим партиям, образовательным учреждениям. Изучение данной темы будет продолжено.

Библиографический список

- 1. Акунина Ю. А. Молодёжные движения современной России: протест и созидание // Вестник МГУКИ. 2011. № 3 (41). С. 123–127.
- 2. Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143–152.
- 3. Бушуев Д. В. Специфика протестной активности российской молодёжи в современном трансформирующемся обществе: автореф. дис. канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2012. 15 с.
- 4. Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011—начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов// Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 73–86.
- 5. Габа О. И. Молодёжь как субъект протестных настроений // Знание, понимание, умение. 2015. С. 144-151.
- 6. Зверев А. Л., Палитай И. С., Рогозарь А. И., Смулькина Н. В. Особенности политического восприятия в современных российских условиях // Политические исследования. 2016. № 3. С. 40–54.
- 7. Красин Ю. А. Феномен уличных протестов и колея российского выбора // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 92–99.
- 8. Назаров М. М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 47–59.
- 9. Петренко В. Ф. Психосемантический анализ имиджа политических лидеров// Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. С. 418-435.

BECTHINK Countries No 1: TOM 12: 203

- 10. Петренко В. Ф., Гладких Н. Ю., Митина О. В. Психосемантический анализ восприятия политических лидеров (на материале выборки студентов из Южной Кореи) // Вестник Московского университета. 2016. Серия 14. Психология. № 2. С. 64-87.
- 11. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М.: МГУ, 1997. 214 с.
- 12. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ политического менталитета общества // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 16. Психология. Педагогика. № 3. С. 27–40.
- 13. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический подход в реконструкции политического менталитета: методы и примеры исследований // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 1. С. 50-64. DOI: 10.7868/S086958731701008X
- 14. Петрушина А. В. Протестное участие молодёжи в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 337–346.
- 15. Салахутдинова Р. Х. Факторы формирования протестного поведения молодёжи в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. № 4. Сер. 12. Вып. 4. С. 167–173.
- 16. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: Учеб. пособие для вузов. М.: ПЧЕЛА, 2008. 378 с. ISBN 97835390353430336
- 17. Серкин В. П. Решение задачи о случайности/не случайности ассоциаций: критерий оценки и валидный набор ассоциаций // Психодиагностика. 2009. № 4. С. 24.
- 18. Соломатина Е. Н. Социальные протесты в современном мире: социологический анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. Серия «Социальные науки». \mathbb{N} 1. С. 103–107.
- 19. Шестопал Е. Б., Нестерова С. В. и др. Образы кандидатов в президенты 2012 в массовом сознании // Власть. 2012. N2 3. С. 186–190.
- 20. Шестопал Е. Б., Новикова-Грунд М. В. Восприятие образов двенадцати ведущих российских политиков (психологический и лингвистический анализ) // Полис. 1996. № 5. С. 168-191.
- 21. Шестопал Е. Б., Шутов А. Ю. и др. Образы лидеров в массовом сознании накануне президентских выборов // Полис. 2012. \mathbb{N}_2 4. С. 160-174.
- 22. Шмелёв А. Г., Похилько В. И., Козловская-Тельнова А. Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт. М.: МГУ, 1988. 208 с. ISBN 5-211-00507-4
- 23. Davis J. A formal interpretation of the theory of relative deprivation // Sociometry. 1959. Vol. 22. № 4. P. 280 296;
- 24. Kamans E10, Otten S., Gordijn E H. Threat and power in intergroup conflict: How threat determines emotional and behavioral reactions in powerless groups. Group Processes and Intergroup Relations. 2011. N_2 14. P. 293–310.

BECTHINK Counting No. 1. Tow 12, 202.

- 25. Klandermans B., Van der Toorn J., Van Stekelenburg J. Embeddedness and identity: How immigrants turn grievances action. American Sociological Review. 2008. № 73: 992–1012.
- 26. McClurg S. D. Social networks and political participation: The role of social interaction in explaining political participation. Political Research Quarterly. 2003. № 56. P. 448–464.
- 27. Van Stekelenburg J., Klandermans B. The social psychology of protest // Current Sociology. 2013. Vol. 61. № 5-6. P. 886-905.
- 28. Van Stekelenburg J., Klandermans B., Van Dijk W. W. Combining motivations and emotion: The motivational dynamics of collective action participation. Revista de Psicologma Social. 2011. № 26. P. 91–104.
- 29. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. Psychological Bulletin. 2008. Nolemn 134. P. 504-535.
- 30. Wright S. C., Taylor D. M., Moghaddam F. M. The relationship of perceptions and emotions to behavior in the face of collective inequality. Social Justice Research. 1990. N_2 4. P. 229 250.

Статья поступила 08.08.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марин Егор Борисович, кандидат исторических наук, доцент,

кафедра истории, политологии и государственно-правовых дисциплин,

Морской государственный университет им. Г. И. Невельского, Владивосток, Россия; Департамент психологии и образования,

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.699

The Idea of Social Protest Among Russian Youth of the Far East

Funding. The reported study was funded by RFBR and EISR, project No. 20-011-31-518

Egor B. Marin

The Maritime state University named after Admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia

E-mail: egor-marin@yandex.ru ORCID ID: 0000-0002-0409-5065

For citation: Marin E. B. The idea of social protest among Russian youth of the Far East. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 62–92. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.699

Abstract. The article presents materials of the semantic reconstruction of ideas of various forms of social protest among young people of two age groups based on the materials of an empirical study conducted in 2020. In the course of the study representatives of two socio-demographic groups of youth from Vladivostok (Primorsky Territory) were interviewed: higher education students aged 18–24 and young adults aged 25–30. The carried out semantic reconstruction allowed to formulate the structural and content characteristics of the young people ideas about the five significant forms of the collective protest: petition, rally, strike, riot and rebellion. The semantic connections of the protest forms with the existential and political values of the young people were revealed. The study also suc-

ceeded in reconstructing the emotional component of the protest phenomena ideas. The category structure of the semantic space of ideas about the forms of protest has been determined. Common categories identified on the basis of associations include "values and goals", "subjects", "emotions", "characteristics of a phenomenon", "protest", and "cultural and historical connotations". The general categories of protest assessment, according to the semantic differential (SD), include "iintellectuality and honesty", "hypocrisy and self-interest (honesty)", "peace – aggressiveness", "strength". These categories, identified on the material of associations, in comparison with the categories of thinking obtained using factor analysis of the semantic differential data, allow to reconstruct both rational and unconscious levels of ideas about protest. Comparative analysis of ideas about different forms of protest demonstrates that on an emotional level a rally is the closest to youth. On a rational level, the petition is also positively assessed, while the youth of both groups are dissatisfied with the ineffectiveness of this form in practice. Young people do not associate radical forms of protest (riot and rebellion) with values and goals significant to them. At the affective level, they are perceived mostly negatively.

In general, the identified categories allow to reconstruct the structure of the organization of the subjective experience of perceiving different forms of political and social protest in two age groups of young people. The data obtained in this study can be useful for further study of protest moods, used by state authorities and political parties in practical work.

Keywords: representation, protest, political consciousness, psychosemantics, rally, Vladivostok, youth

References

- 1. Akunina Y. A. Molodiozhnye dvizhenija sovremennoy Rossii: protest i sozidanie [Youth movements in modern Russia: protest and creativity]. *Vestnik MGUKI*. 2011. No 3 (41). P. 123–127. (In Russ.)
- 2. Baranova G. V. Metodika analiza protestnoy aktivnosti naselenija Rossii [The method of analysis of protest activity of the population of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovanija*. 2012. No. 10. P. 143–152. (In Russ.)
- 3. Bushuev D. V. Specifika protestnoy aktivnosti rossijskoy molodiozhi v sovremennom transformirujuschemsja obschestve [The specifics of the protest activity of Russian youth in contemporary transforming society]: avtoref. dis. kand. sociol. nauk. Rostov-on-Don, 2012. 15 p. (In Russ.)
- 4. Volkov D. Protestnye mitingi v Rossii kontsa 2011 nachala 2012 gg.: zapros na modernizaciju politicheskih institutov [Protest rallies in Russia in late 2011 and early 2012: the request for the modernization of political institutions]. *Vestnik obschestvennogo mnenija*. 2012. No. 2 (112). P. 73–86. (In Russ.)
- 5. Gaba O. I. Molodiozh' kak sub'ekt protestnykh nastroeniy [Youth as a subject of protest]. *Znanie, ponimanie, umenie.* 2015. P. 144–151. (In Russ.)
- 6. 7. Krasin Y. A. The phenomenon of street protests and Russian choice track. *Monitoring obschestvennogo mnenija: economicheskie i social'nye peremeny.* 2012. No. 3. P. 92–99. (In Russ.)
- 7. Nazarov M. M. Politicheskiy protest: opyt empiricheskogo analiza [Political protest: an empirical evidence]. *Sociologicheskie issledovanija*. 1995. No. 1. P. 47. (In Russ.)
- 8. Petrenko V. F. Psihosemantichesky analiz imidzha politicheskikh liderov [Psychosemantic analysis of the image of political leaders]. Osnovy psihosemantiki [Foudations of Psychosemantics]. SPb.: Piter, 2005. P. 418–435. (In Russ.)
- 9. Petrenko V. F., Gladkih N. Y., Mitina O. V. Psychosemantic analysis of the perception of political leaders (based on a sample of students from South Korea). *Vestnik Moskovskogo universiteta*. *Serija 14*. *Psihologija*. 2016. No. 2. P. 64–87. (In Russ.)
- 10. Petrenko V. F., Mitina O. V. *Psihosemanticheskij analiz dinamiki obshhestvennogo soznanija*. [Psychosemantic analysis of the dynamics of public consciousness]. Moscow: MSU publ., 1997. 214 p. (In Russ.)
- 11. Petrenko V. F., Mitina O. V. Psihosemanticheskij analiz politicheskogo mentaliteta obshhestva [Psychosemantic analysis of the political mentality of society]. *Vestnik SPbGU. Ser. 16. Psihologija. Pedagogika.* 2015. No. 3. P. 27–40. (In Russ.)
- 12. Petrenko V. F., Mitina O. V. Psychosemantic approach in the reconstruction of political mentality: methods and examples of research. *Vestnik Rossijskoy akademii nauk.* 2017. Vol. 87. No. 1. P. 50–64. DOI: 10.7868/S086958731701008X (In Russ.)
- 13. Petrushina A. V. Protestnoe uchastie molodezhi v sovremennom rossijskom obschestve [The protest participation of young people in contemporary Russian society]. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki.* 2011. No. 1. P. 337–346. (In Russ.)

- 14. Salahutdinova R. H. The Factors of Formation of the Protest Behavior of Young People in Modern Russia. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 12. 2012. No 4. P. 167-173
- 15. Serkin V. P. Reshenie zadachi o sluchaynosti / ne sluchaynosti associaciy: kriteriy ocenki i validny nabor associaciy [Solving the problem of randomness / non-randomness of associations: evaluation criteria and a valid set of associations]. Psihodiagnostika. 2009. No 4. (In Russ.)
- 16. Serkin V. P. Metody psihologii sub'ektivnoj semantiki i psihosemantiki [Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics]. Moscow: Pchela publ. 2008. 378 p. (In Russ.)
- 17. Solomatina E. N. Social protests in the modern world: sociological analysis. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija Social'nye nauki. 2014. No 1. P. 103–107. (In Russ.)
- 18. Shestopal E. B., Novikova-Grund M. V. Vosprijatie obrazov dvenadcati vedushhih rossijskih politikov (psihologicheskiн i lingvisticheskiн analiz) [Perception of the images of the twelve leading Russian politicians (psychological and linguistic analysis)]. Politicheskie Issledovanija. 1996. No 5. P. 168-191. (In Russ.)
- 19. Shestopal E. B., Nesterova S. V., Bukreeva O. V., Smul'kina N. V., Zatonskih A. V., Titov V. V. Obrazy kandidatov v prezidenty 2012 v massovom soznanii [Images of presidential candidates 2012 in the public mind]. Vlast'. 2012. No 3. P. 186-190. (In Russ.)
- 20. Shestopal E. B., Shutov A. Y., Volodenkov S. V., Gaman-Golutvina O. V., Lapkin V. V., Makarenko B. I., Mezhuev B. V., Mel'vil' A. Y., Smul'kina N. V., Nesterova S. V. Images of leaders in the public mind on the eve of the presidential election. Politicheskie Issledovanija. 2012. No 4. P. 160-174. (In Russ.)
- 21. Shmelev A. G., Pohil'ko V. I., Kozlovskaja-Tel'nova A. Y. Praktikum po experimental'noy psihosemantike. Tezaurus lichnostnyh chert. [Workshop on experimental psychosemantics. Thesaurus of personality traits]. Moscow: MSU publ.. 1988. 118 p. (In Russ.)
- 22. Zverev A. L., Palitaj I. S., Rogozar' A. I., Smul'kina N. V. Osobennosti politicheskogo vosprijatija v sovremennykh rossijskih uslovijah [Features of political perception in modern Russian conditions]. Politicheskie Issledovanija. 2016. No. 3. P. 40-54. (In Russ.)
- 23. Davis J. A formal interpretation of the theory of relative deprivation. Sociometry, 1959. Vol. 22. No 4. P. 280-296.
- 24. Kamans E., Otten S., Gordijn E. H. Threat and power in intergroup conflict: How threat determines emotional and behavioral reactions in powerless groups. Group Processes and Intergroup Relations. 2011. No 14. P. 293-310.
- 25. Klandermans B., Van der Toorn J., Van Stekelenburg J. Embeddedness and identity: How immigrants turn grievances action. American Sociological Review. 2008. No 73. P. 992-1012.
- 26. McClurg S. D. Social networks and political participation: The role of social interaction in explaining political participation. Political Research Quarterly. 2003. No. 56. P. 448-464.
- 27. Van Stekelenburg J., Klandermans B. The social psychology of protest. Current Sociology. 2013. Vol. 61. No. 5-6. P. 886-905.
- 28. Van Stekelenburg J., Klandermans B., Van Dijk W. W. Combining motivations and emotion: The motivational dynamics of collective action participation. Revista de Psicologma Social. 2011. No 26. P. 91-104.
- 29. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. Psychological Bulletin. 2008. No 134. P. 504-535.
- 30. Wright S. C., Taylor D. M., Moghaddam F. M. The relationship of perceptions and emotions to behavior in the face of collective inequality. Social Justice Research. 1990. No 4. P. 229-250.

The article was submitted on: August 08.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor B. Marin, candidate of historical sciences, Associate Professor, The Maritime state University named after Admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia; Department of history, political science and state and legal disciplines, Department of psychology and education, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

